

СЫН

- Мужчина, у вас огоньку не найдётся?

Ну да, конечно. Quod erat demonstrandum. Шумную компанию женщин слегка пост-бальзаковского возраста Вадим заметил сразу, как вошёл в кафе. Да и нельзя было не заметить, слишком они были яркие и громкие. Повернул голову – да, к его столику подошла именно она, высокая, крупная, слишком ярко покрашенная, с какими-то нелепыми кудряшками.

Впрочем, раздражение быстро сменилось сочувствием. Вадим давно заметил, что после второго шота становится гораздо добрее к людям, и пытался контролировать приступы алкогольного альтруизма – правда, с переменным успехом. Ну она ж не виновата, что рост у неё баскетбольный, лицо лошадиное, и краситься не умеет. Нет, виновата, неумолимо возразил трезвый островок в расслабленном сознании, уж косметикой-то пользоваться и причёску выбирать могла бы и научиться! Ну, ладно, миролюбиво согласилось не желавшее внутренних конфликтов пост-шотное большинство нейронов, пусть она не виновата, что родилась не умеющей научиться краситься...

Вадим галантно привстал, вытащил из кармана зажигалку, щёлкнул. Шустрый огонёк куснул кончик тоненькой длинной сигареты. Дама поблагодарила и вопросительно глянула на Вадима.

- Присядьте, вы ж с подругами в некурящей зоне, - Вадим подвинул поближе к даме тяжёлую пепельницу.

Глупой она, однако, не была. Внимательно посмотрев Вадиму в глаза, едва заметно вздохнула и, как недостижимую фату, сняла с лица кокетливо-призывное выражение. Спросила по инерции, но серьёзно:

- У вас глаза грустные. Думаете о чём-то печальном?

Делает ей честь - вместо обычного small-talk'a о погоде, меню или нерасторопности официанта. Что ж, молодец, пьяное большинство не ошиблось. А почему бы и нет? Это ж как в ночном купе, наутро каждый выйдет на своей остановке, больше никогда не встретятся...

- О сыне думаю.

- С ним... что-то... случилось?, - медленно, осторожно, тщательно подбирая слова.

- Да нет, он жив. С ним всё в порядке, окончил институт, хорошая работа, женат, внук недавно родился.

- Почему же вы грустите? Радоваться надо, не всем так везёт. С ним что-то не так?

- Всё так. Он просто вырос.

- Так все дети растут, это нормально!

- В том-то и беда, что это нормально...

На аляповато покрашенном лице – выражение подозрительности, смешанной с сочувствием. Нежелание понять, инстинктивное ощущение опасности понимания берёт верх. Дама гасит сигарету, благодарит. А когда она не пытается строить глазки, в общем-то, вполне ничего, даже привлекательна!

Ну что, доволен? Попытался рассказать, объяснить? И как?

Махнул рукой официанту, заказывая очередной шот. Прикрыл глаза – и вновь ощутил маленькую тёплую ручку в своей руке, увидел широко открытые глаза, в которых светится безграничное доверие...

Максим был запланированным и долгожданным ребёнком. Отношения с Кариной развивались неспешно, по лучшим образцам, ревнители традиций были довольны. Познакомились в университете, несколько месяцев ходили по театрам и выставкам, потом ещё года четыре до свадьбы жили врозь, ночуя вместе только по выходным в съёмной квартире Вадима. Все считали их идеальной парой. Карина была необычной девушкой, этим и привлекла поначалу – и привязывала всё сильнее.

Первый звонок прозвучал совсем тихонько. На ежегодной встрече одноклассников Вадима, когда Карина уже не пыталась скрывать животик, Вадим случайно перехватил взгляд Витьки. Нет, вовсе не похотливый (хотя Карине беременность явно пошла на пользу, стёрла острые углы, сделала более мягкой и соблазнительной) – скорее профессиональный. Витька с блеском окончил мед, быстро рос и, несмотря на молодость, стал уже одним из самых известных столичных психиатров. Когда вышли покурить, Витька как бы невзначай задал пару вопросов о Карине, но от подробного разговора технически грамотно ушёл. Прощаясь, поинтересовался, есть ли у Вадима его телефон, и вручил визитку с дописанным от руки номером мобильного (ещё редкость по тем временам) – если что, звони в любое время! Вадиму запомнился Витькин взгляд – почему-то совсем трезвый, жёсткий и одновременно сочувственный.

Воспользоваться мобильным таки пришлось. Следующие звончки Вадим сперва не замечал, потом не хотел замечать, потом сознательно игнорировал. Да, Карина необычная, за это я её и люблю! Все люди разные, бывают перепады настроения, у всех может быть чёрная полоса... Вплоть до момента, когда игнорировать стало уже невозможно.

В тот день он приехал с работы рано, в обед – в офисе меняли всю инсталляцию, и Вадим решил отключить аппаратуру до полного завершения всех работ и проверки всех разводок - юпизски юпизсками, но бережёного бог бережёт. Максимка в этот день впервые гостил у бабушки с ночёвкой, и Вадим предвкушал приятный вечер вдвоём. Но всё вышло не так.

Уже с порога почувствовал неладное – в квартире пахло табачным дымом и алкоголем, играла тихая музыка. Дверь в ванную была открыта, мокрые волосы Карины свешивались почти до пола, и вода в ванне была уже густо-розовой.

Врача “скорой” Вадиму удалось уговорить – правда, за очень большие для него деньги. Хорошо, что дома лежала приличная сумма наличными, а врач был уже пожилым,

собиравшийся на пенсию и мечтавший о домике на море. Врач сделал перевязки, вколол Карине самый сильный из имевшихся у него транквилизаторов и согласился записать происшествие бытовой травмой.

Когда Карина заснула, Вадим позвонил Витьке. Успел только представиться, Витька тут же спросил: жива? Хорошо, буду через час.

Разговор с Витькой он запомнил практически дословно – в критические моменты память обостряется. Конечно, нужно серьёзное обследование, но, скорее всего, МДП. Да, роды вполне могли послужить триггером. Вылечиться? Не получится, с этим придётся жить. Судя по всему, интермиссии достаточно длительные, но точно предсказать ничего невозможно. Суицидальные попытки будут повторяться, вопрос в том, как часто. Вы согласитесь провести какое-то время в стационаре? Ну, так я и думал... Ладно, все уже большие мальчики и девочки, моё дело честно рассказать, как оно есть, а решать тебе. Есть ли угроза для других? Скорее всего нет, но категорически ничего исключать нельзя.

Карина покорно принимала таблетки, смотрела виновато. Со временем Вадим научился понимать признаки, сигналы, даже без каких-то формальных проявлений – всё же они были очень близки. Он говорил Карине, что они смогут адаптироваться, приспособиться, что вместе они сумеют всё преодолеть - и иногда ему даже самому казалось, что это правда... Пока Карина не ударила Максима – сильно, до крови. На ровном месте, за обычный детский каприз.

Теперь последняя фраза, сказанная Витькой, постоянно выскакивала откуда-то из подсознания, как кукушка из часов: "...но категорически ничего исключать нельзя"...

Поход в зоопарк они планировали давно. Максим сам обвёл намеченную субботу в настенном календаре красным фломастером. За несколько дней до поездки состояние Карины стало стремительно ухудшаться, и Вадим понимал, что на этот раз фаза будет особенно тяжёлой. Вечером Карина приняла ударную дозу снотворного, а Вадим так и не заснул. Решение постепенно формировалось, зрело, пробиваясь из мутной безнадёги, как подснежник сквозь грязный мартовский снег.

В зоопарк они поехали вдвоём с Максимом. Долго бродили по недавно открытому тропическому павильону, пытались общаться с белым медведем, шумно плескавшимся в бетонном бассейне, выманивали из домика ленивую сонную рысь. Не без колебаний Максим согласился прокатиться на пони – было страшно, но держался по-мужски, губки подрагивали, но так и не заплакал и потом очень гордился собой. На обратном пути зашли в кафе, выпили по молочному коктейлю, вернулись домой пешком, не торопясь, наслаждаясь солнышком...

На сей раз Карина выбрала таблетки. Без антуража, ни музыки, ни вина. Видимо, начала глотать сразу после их ухода, когда Вадим открыл дверь, всё уже давно было кончено.

Вадим так и не женился, вырастил сына один. Были отношения, были хорошие женщины, но каждый раз в какой-то момент стерва-кукушка вновь выскакивала: ничего исключать нельзя... Помогали бабушки-дедушки, какие-то другие внезапно объявившиеся

родственники. Да и сам Максим оказался парнем самостоятельным, с начальных классов у него проявилось множество интересов, охотно ходил во всякие кружки и секции, разве что к музыке охладел довольно рано, огорчив тестя-меломана. А вот техникой и программированием увлекался всё больше, ездил в летние лагеря, готовился к олимпиадам...

Виски со льдом не стоит пить быстро – лёд тает, символически создаётся иллюзия, что стакан наполовину полон, но это всего лишь талая вода. Вадим вновь помахал рукой, стараясь привлечь внимание официанта.

Телефон тихонько замурчал, стал слегка подпрыгивать и подмигивать. Вадим провел пальцем по экрану.

- Привет, Макс!

- Привет, пап. Как дела? Как командировка?

- Да нормально в итоге. Занудливый заказчик попался, но всё сделали, система работает, акты подписаны. Сегодня после обеда вернулся, сейчас в кафе, расслабляюсь.

В голосе Максима появляется чуть заметная озабоченность.

- Пап, у тебя там всё в порядке? Давай приеду за тобой?

- Да нет, спасибо. Думаешь, я уже пару шотов не держу? Хорошего ж ты мнения об отце... Ты лучше с Эдгаром пообщайся, пока время есть, ребёнку отец нужен. Как он там?

- Нормально, бегаёт уже вовсю, новые слова каждый день... Ты приезжай, он про тебя спрашивает, мол, где деда?

- Ок, вот выплыву сегодня, сориентируюсь и позвоню, договоримся. Жанне привет!

- И тебе от неё. Ну, если что, звони, приеду тебя спасать...

Сын на зависть, в который раз подумал Вадим. Заботливый, внимательный, настоящий друг. И с невесткой всё в порядке – вежливая, умная, дистанцию держит – это да, ну так это даже лучше. В общем, повезло мне с сыном – да и внуком, похоже... И с внучками, надеюсь, всё хорошо будет...

Виски растекался по жилам, мысли двигались по кругу. Взрослый сын – это хорошо... Родной человек, друг, надёжный... Но - где та тёплая ручка в твоей руке, где широко открытые глаза, глядящие на тебя с безграничным доверием? Где тот, маленький, при одном взгляде на которого перехватывало горло от нежности и желания любой ценой защитить, закрыть от опасностей окружающего мира? Любой ценой! Любой! И да, я её заплатил...

Дети растут, это нормально... В том-то и беда, что это нормально... Официант, ещё один, пожалуйста!

2017-2020